

Ильченко О. С.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/39.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 93-96. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ской структуры лексемы (словообразовательные неологизмы - собственно образные слова): *тусануться* 'отдыхать, проводя время на дискотеке, как бы быть картой в тасуемой карточной колоде', *видеопиратство* 'нарушение авторских прав в видеобизнесе', *невъезжучий* 'непонятливый, несообразительный, словно тот, кто не может въехать'. Образные неосемемы и неолексемы могут вступать в мотивационные отношения, создавая мотивационные пары: *не въезжать* → *невъезжучий*, *крыша* → *крышевать*, *выступить* → *выступала*; или мотивационные цепочки: *знать* → *гонщик*; *грузить* → *грузин*, *грузчик* → *грузия*, *грузилово*. В результате метафоризации можно наблюдать появление слов, вступающих в омонимичные отношения с уже существующими в языке необразными словами: *гонщик* 'участник спортивных гонок' и 'обманщик, любитель рассказывать небылицы; шутник, словно тот, кто гонит, понуждает двигаться'; *Грузия* 'государство в Азии' и *грузия* 'ерунда, лишняя, ненужная информация, словно лишний груз'.

Анализ разного рода отношений в составе образной лексики представляется весьма перспективной и актуальной задачей, так как связан с исследованием закономерностей, влияющих на квалификацию образной лексической единицы в рамках структурно-семантических разрядов. Информативным источником для решения данной задачи могут стать данные современных словарей русского (включая неологические словари, словарь молодежного сленга) и данные психолингвистических экспериментов среди носителей языка.

Список использованной литературы

1. Блинова О.И. Введение // Словарь образных слов и выражений народного говора. - Томск, 1997. - С. 3-12.
2. Ильиных О.В., Юрина Е.А. Типология собственно образных слов с точки зрения характера мотивирующих единиц // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Сб. науч. тр., посвящ. 10-летию кафедры РЯЛ ИЯК ТПУ / Под ред. З.И. Резановой. - Томск: STT, 2004. - С. 31-38.
3. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. - Ташкент, 1975. - С. 53-57.
4. Попова Т.В. Неология и неография современного русского языка: учеб. пособие / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. - М.: Флинта: Наука, 2005. - 168 с.
5. Юрина Е.А. Мотивационно-образные лексические парадигмы в среднеобских говорах. // Мотивология, ономастология, лексикография: современное состояние и перспективы. - Коктешау, 2002. - С. 137-143.
6. Юрина Е.А. Образный строй языка. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. - 156 с.
7. Юрина Е.А. Собственно образное слово как структурно-семантический разряд образной лексики // Комплексное исследование образной лексики языка. Бюллетень оперативной научной информации. 2004. №38. Ноябрь. - С. 107-138.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ильченко О. С.

Кубанский государственный университет, филиал в г. Новороссийске

Поскольку древние памятники отражают факт постоянных колебаний между В=Р и В=И среди нарицательных существительных, то в историко-лингвистической литературе высказывались различные гипотезы относительно влияния тех или иных лексико-грамматических факторов на развитие категории одушевленности в русском языке. Правомерность выделения **особых условий**, способствующих или препятствующих закреплению новой формы В.п, до сих пор вызывает споры среди историков языка.

Так, общим местом многих работ является утверждение о том, что способствует сохранению старой формы В.п. сочетание существительного с притяжательным местоимением **свой**. Одним из первых эту гипотезу выдвинул А.И.Томсон [Томсон 1908: 239], ему вторят А.А.Шахматов [Шахматов 1957: 51] и многие другие исследователи языка. В.Б.Крысько же считает это условие надуманным [Крысько 1994: 13].

Представим примеры с формой В=Р при местоимении **свой**, извлеченные нами из *книжно-литературных* текстов древнерусского периода:

а) *переводные*: **Своего** принимъши **сѣдѣтеля** (Мин. сент., 34. 1096 г.); **И** навадиша **на** **епспа** **своего** (Патерик Син., 244. XI - XII вв.); **И** остави въ **наслѣдники** **оца** **своего** (Усп. сб., 62. XII - XIII вв.); **Иоанъ** ... **посъла** **дрѹдника** **своего** **мѹжа** **рѣчива** (там же, 287); **иди**, **рече**, **моли** **ва** **своего** (там же, 279);

б) *оригинальные*: **Не** **бѹди** **ми** **възяти** **рѹки** **на** **брата** **своего** **и** **еще** **же** **на** **старѣшина** **мене** (Ж. Бор. Глеб., 15. XII в.); [**Новгородцы**] **сдѹмаша**, **яко** **изгонити** **князя** **своего** **всѣволода** (Новг. I лет., 129); **Бн** **челомъ** **на** **брата** **своего** **на** **Дмитрия** (там же, 298); **кормящи** **сна** **своего** **до** **мѹжства** **его** **и** **до** **взраста** **его** (Лавр. лет., 64); **И** **взяша** **и** **Стополкъ** **акы** **тѣстѹ** **своего** (там же.); **Посла** **к** **ним** **сна** **своего** **Ростислава** (там же, 102); **Понма** **зѹта** **своего** **Володимерковича** (там же, 116); **Посла** **Ярославъ** **сна** **своего** **Володимера** **на** **Грькы** (там же, 154); **а** **ждѹчи** **к** **совѣ** **брата** **своего** **Иарослава** **с** **полкы** (там же, 160); **Посади** **сна** **своего** **Мьстислава** **Полотьскѣ**, **он** **же** **вскорѣ** **ѹмре** **тѹ** (там же, 169).

Видимо, нет оснований связывать выбор падежной формы только с фактом наличия притяжательного местоимения **свой**, как это делают многие исследователи. Возможно, сам А.И.Томсон, говоря о консервативности сочетания с местоимением **свой**, имел в виду не столько формальную сторону таких конструкций, сколько содержательную. На наш взгляд, выбор В=Р порождает не сам факт наличия притяжательного местоимения. Пассивную роль объекту, вероятно, потенцирует такая семантика конструкции, в которой ме-

стоименные **свон** указывает на *несамостоятельность, подчиненное положение* объекта, к тому же нередко выступающего в качестве *исполнителя воли* субъекта, акцентирует внимание на *принадлежности* объекта субъекту действия. Кстати, в конструкциях типа **посла отрокъ свон** подобную семантику объекта потенцирует и сам предикативный признак. Именно тем, что при глаголах **посълати** и **прислати** объект часто мыслится как самостоятельное лицо, исполнитель воли субъекта, его представитель, объясняется, на наш взгляд, преобладающее количество форм В=И в примерах типа **посълати посълъ**. Тем не менее вряд ли подлежит сомнению, что значительное число таких однотипных выражений в памятниках письменности даже более позднего периода свидетельствует о *речевом штампе*.

Наш материал демонстрирует большее количество форм В=И, связанных с **предложной конструкцией**. Мы полагаем, что наличие при В.п. предлога не только грамматически однозначно оформляет объект, но и во многих случаях изменяет смысл существительного в предложной конструкции, тем самым препятствуя актуализации косвенного объекта, например: **да въ величѣ чсти пондѹ за вашъ князь** (Ипат. лет., 45) - т.е. за *вашего* представителя; **и женѣ за одинъ мужъ посагати** (там же, 278); **про гостѣ** (Дм., 118. XVI в.). Следует также отметить, что в предложном употреблении большая часть случаев с формой В=И приходится все-таки на *фразеологизированные* сочетания.

Считают, что особенно долго старая форма В.п. удерживалась после предлога **за**. Именно поэтому, несмотря на очень раннее закрепление формы В=Р **мужа**, например: **Мужа твоего ѹвнхомъ** (Лавр. лет., 56), в предложной конструкции продолжала употребляться со временем онареченная форма **за мужъ** (совр. *выйти замуж*). Наш материал свидетельствует, что причиной является не сам факт наличия предлога **за**, а специфика семантики таких конструкций. Ведь причина «онаречивания» сочетания **за мужъ** кроется в обобщенном характере существительного: в данной конструкции **мужъ** - понятие «виртуальное», не наделенное конкретным смыслом - конструкция рисует будущее состояние. Как показывает наш материал, осмысление узаконного сочетания как наречия грамматически оформилось примерно к XVII веку, на что указывают уже господствующие слитные написания, например: **вышла замужъ** (АМГ I, 231, 1628 г.); **И какъ онъ Василии со мною прижилъ во чревѣ моемъ плодъ, и з двора своего меня збилъ и замужъ за себя не взялъ** (АХУ III, 249. 1646 г.); **выдал дочь замужъ** (Кн. прих.- расх. Свир. м. № 25, 20. 1658 г.); **выдаеть замужъ насиаствомъ** (ДАИ X, 77. 1682 г.) и т.д. Редко (причем, как правило, в *юридических* актах, язык которых отличается стереотипностью формулировок, «консервирующих» прежние нормы) встречаются и старые, раздельные написания: **Дочери выдавати за мужъ** (АЮБ III, 307. 1612 г.); **И какъ она, взростеть и пойдетъ за мужъ** (АЮБ II, 661. 1647 г.).

По аналогии с **за мужъ**, видимо, могло образоваться и сочетание **за князь**, например, **Понди за князь наш за Малъ** в *Лаврентьевской летописи*, хотя нельзя исключить также значение «представитель». (Ср. здесь же в значении прямого объекта: **Се князя ѹвнхомъ рускаго**.) Показателен в качестве наглядной семантической модели пример «онаречивания» аналогичного сочетания предлога с местоимением: **хотя дщерь свою дати зань** (Сказ. Авр. Палицына, 486. XVII в.).

Тем не менее трудно не согласиться и с тем, что «поскольку в составе предложных конструкций синтаксическая функция словоформы выражена однозначно и омонимия флексий, следовательно, не создает коммуникативных "помех", синтагматические отношения не требуют нарушения традиционной формы: она в этом случае может подвергаться изменению только под влиянием парадигматических отношений, т.е. только по мере того, как она осознается как форма того падежа, который в основной своей функции оформляется иначе» [Горшкова, Хабургаев 1997: 233]. Ср. найденные нами примеры: **И се рекши моляшеса за сна** (Лавр. лет., 64); **пони дщерь ми за с<ы>на своего Лва** (Ипат. лет., 809).

О многочисленности примеров В=Р с предлогом **на** свидетельствует как вышеприведенный материал, относящийся к самым ранним памятникам письменности, так и следующие примеры из *Новгородской I летописи*: **Ботвориша вѣче на посадника Дмитра** (191); **Възъярившись на того рыбника** (406); **Пойдемъ на онога боярина** (406) и др. По нашему мнению, это объясняется тем, что сочетания личных существительных с предлогом **на** реже становились стереотипными формулировками или впоследствии переходили в наречия.

Употребление объекта в форме В=И в виде **приложения** к другому существительному, имеющему уже новое окончание, не мешает адекватно воспринимать смысл высказывания, например: **оубиша прѹси Овстрата и сынъ его Лоуготоу** (Новг I. лет.); **вывѣдоста Мьстислава, Горіевъ сынъ** (там же). Возможно, поэтому появление В=Р в таких конструкциях задерживается. Однако представляется необходимым специально обратить внимание на семантику слов, употребляемых чаще всего в функции приложения - как правило, это названия родства.

Интересен найденный нами пример сохранения В=И из довольно позднего списка *переводной «Хроники Иоанна Малалы»*: **И въ црство же его [Льва] ѹвнень вывъ црь Анфияши в Римѣ, враждѹ бо имѣ на зять свон на Рикимеръ въеводу, бояся его акы Гофина** (Хрон. И. Малалы, XIV, 18. XV в. ~ XIII в.). Нетрудно заметить, что в последнем контексте присутствуют все вышеперечисленные условия одновременно: и употребление в качестве приложения к существительному **въеводу**, имеющему особое окончание В.п., и наличие предлога, и местоимение **свон**, и название родства. Кроме того, это еще и слово *i-склонения.

Считается, что некоторое «сопротивление» оказывают существительные, принадлежавшие ранее к другим типам склонения (в особенности с основами на *-и и на *-і). В подтверждение обычно приводят факт многочисленности примеров с В=И от слов **сынъ** и **гость**. По мнению некоторых лингвистов [Собинникова 1984: 154; Янович 1986: 156], это объясняется тем, что в кругу слов м.р. с древними основами на *-и и на *-і в течение длительного времени, до XIV-XV вв., происходила перестройка способов словоизменения: вся система перестраивалась по образцу основы на *-о / -јо. Однако данные, приводимые В.Б.Крысько, свидетельствуют о завершении такой перестройки уже к XIII-XIV веку. Более того, ученый считает, что существительные м.р. на *-и и на *-і должны были развить новую форму В.п. параллельно с именами на *-о [Крысько 1994].

Существительное **сынъ**, по наблюдениям П.С.Кузнецова, сохраняет еще старую форму В.п. в *Синодальном списке Новгородской летописи*, например: **иде Ростову ... а сынъ оставивъ в Новгородѣ** (Новг. Синод. лет., л. 40) [Кузнецов 1959: 94]. Можно было бы объяснить сохранение В=И северным происхождением памятника, так как в **древненовгородском диалекте**, как убедительно показал В.Б.Крысько, не было, в отличие от диалектов других восточнославянских ареалов, совпадения форм Им.п. и В.п. в связи с развитием в номинативе особой флексии **-е** для *masculina singularia* *о-склонения [Крысько 1998: 81-82]. Именно поэтому, как считает В.Б.Крысько, в памятниках новгородского происхождения наблюдается длительное сохранение в ед.ч. у семантически одушевленных существительных м.р. В.п.=/Р.п. [Крысько 1994: 78-96]. Однако эта форма встречается и в более поздней *Лаврентьевской летописи*, даже в позднейшей *Суздальской части* ее, например: **дан на^м сынъ свон** (л. 102 об.); **и посла к ни^м сынъ свон** (там же). Показательно, что П.С.Кузнецов, анализируя возможные причины долгого сохранения существительным **сынъ** старой формы В.п., на первое место ставит значение лексемы: «...раньше это существительное употреблялось в значении “ребенок”» [Кузнецов 1959: 95]. Назвав вторую возможную причину - принадлежность к старому склонению с основой на *-и, а не на *-о, - лингвист тут же ее опровергает, сравнивая существительное, принадлежавшее издавна к склонению с основой на *-о и также обозначавшее первоначально, вероятно, ребенка, в таком сочетании: **послаша по Ідрослава по всеволодовича по гюргевъ внуокъ** (Новг. I лет., Синод. сп., л. 80) [там же]. По нашему мнению, в подобных контекстах употребление немаркированной формы В.п. позволяет сместить смысловой акцент: актуализируется то лицо, о *чьем* внуке говорится. Т.е. более важной представляется информация о том, *чьим* внуком является объект. Поэтому не случайно исследователи уже давно обратили внимание на особое поведение существительных - **названий родства**. По нашему мнению, многочисленные случаи сохранения старой формы В.п. в кругу слов данной лексико-семантической группы можно объяснить при глубинном семантическом анализе наличием семы «принадлежность кому-то, чья-то собственность, родственная связь с кем-то». В вышеприведенных примерах со словами **сынъ**, **зять** использование старой формы В.п. служит целям *актуализации того лица*, с которым объект связан родственными отношениями. Считаем, что довольно поздний пример В=И от слова **братъ**, обнаруженный М.Г.Лещинской в грамотах XV в., собранных Мухановым: **зовутъ братъ мой** (гр. № 25, 1481), еще раз подтверждает наше предположение. Помешать принятию объектом новой формы В.п. могло активно возбуждаемое в сознании представление о том человеке, *чьего* брата зовут. Подобные факты, как видим, требуют обоснования не столько в плане особенностей лексического значения слова, сколько в плане *контекстуальной* семантики.

Исследователи давно обратили внимание на то, что из склонения на *-і дольше других сохраняет старую форму В.п. существительное **гость** (даже в беспредложном употреблении): **и боле читите же гость** (Поуч. Вл. Мон., Лавр. лет., л. 80 об.); **гость ко мнѣ поущанте** (Смол. гр., ок. 1297-1298 гг.); **гость къ мнѣ поущанте** (Новг. I лет., Синод. сп., под 1225 г.). И даже в более поздних памятниках, например в 1-й Псковской летописи: **Псковичи пріяша гость нѣмецкий** (под 1436 г.) [Кузнецов 1959: 98].

Во всех приведенных выше контекстах слово **гость** употреблено в *собирательном* или *обобщенном* значении «всякий чужеземец»: **и всякие сласти ... про гость и за немощъ> всегда ес<ть>** (Дм., 118. XVI в.). (Ср. также В=И **чюжь холопъ, чюжь конь** в «Русской правде».) Еще В.И.Борковский (на материале древнерусских грамот) пришел к выводу, что слово **гость**, будучи употребленным как собирательное слово, сохраняет старую форму В.п. не только в ранних грамотах, но и в грамотах XV в. [Борковский 1949: 59].

Таким образом, анализ наблюдений над поведением некоторых существительных в памятниках письменности древнерусского периода подтверждает мнение В. В. Мадояна, считающего, что «суть “консерватизма” некоторых существительных в отношении формы винительного заключается в их значении» [Мадоян 1986: 51]. Исследователь утверждает, что «одно и то же слово **человѣкъ** в разных значениях («слуга» и «индивидуум вообще») имеет разную форму винительного в позиции прямого дополнения [там же]. Следующие найденные нами примеры подтверждают вывод В. В. Мадояна: **а не вдаванте сильным погубити чавка** ((Поуч. Влад. Мон.) Лавр. лет., 245); **(986): Видѣвъ же дьяволъ яко почти бѣ чавка, възавидѣвъ ему** (Лавр. лет., 88). В «Молении Даниила Заточника» только В=Р: **Молеве, княжи, ризы едятъ, а печаль - человека; Аще кто в печали человека прирзит, как стѹденою водою напоитъ во знойный день**. Причем особенно яркими иллюстрациями служат приведенные выше контексты с собирательным словом **гость**.

1. **Борковский В. И.** Синтаксис древнерусских граммат: (Простое предложение). - Львов: Изд-е Львовского гос. ун-та, 1949. - 392 с.
2. **Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.** Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие. - 2-е изд., испр. - М.: Изд-во МГУ, 1997. - 383 с.
3. **Мадоян В. В.** История категории одушевленности в русском языке // Филол. науки. - 1986. - № 1. - С. 49-54.
4. **Крысько В. Б.** Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. - 1998. - № 3. - С. 74-93.
5. **Крысько В. Б.** Развитие категории одушевленности в истории русского языка. - М.: ЛUCEUM, 1994. - 224 с.
6. **Кузнецов П. С.** Очерки исторической морфологии русского языка. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - 276 с.
7. **Собинникова В. И.** Историческая грамматика русского языка. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. - 296 с.
8. **Томсон А. И.** Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках // ИОРЯС Императорской Академии наук. - Т. XIII, кн. 2. - СПб, 1908. - С. 232-264.
9. **Янович Е. И.** Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. вузов. - Мн.: Изд-во «Университетское», 1986. - 319 с.

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И СЕМАНТИКА СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ НА УРОВНЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПЛАНЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Исаева И. П.

Бийский педагогический государственный университет им. В. М. Шукшина

В процессе познания окружающей действительности человек облекает результаты мыслительных операций в языковую форму. Строя суждение об объективном мире, говорящий неизбежно привносит в высказывание субъективный компонент своего собственного Я. По-видимому, человек может описывать реальность только лишь предварительно выделив себя в ее структуре. При этом он оперирует противопоставлением «Я все, что не есть Я» [Гуревич 1998: 34].

Существование Я говорящего определяется пространственно-временными координатами, его «здесь и сейчас». По существу, эти два понятия являются исходными пунктами постижения мира. Они являются определенными точками отсчета, относительно которых говорящий конструирует настоящее как поле видения ретроспективы и перспективы мира.

В языке дейктические категории говорящего «здесь и сейчас» являются категориями ориентационного типа. Они отличаются признаком указательности на исходный пункт ориентации - точку отсчета, так как содержание грамматического времени всегда определяется через соотнесение времени события с моментом речи [Гуревич 1998: 27; Федорова 2004: 8].

Точкой отсчета в репрезентации хрональных отношений между событиями является либо собственно момент речи говорящего, либо момент, расположенный в прошлом или будущем, относительно момента речи. В любом случае, вся темпоральная структура высказывания организуется вокруг фигуры говорящего: «либо в прямом соотношении с ним и относительно его настоящего, либо в опосредованном соотношении с ним и относительно предшествующего или последующего момента к его настоящему» [Закамулина 2000: 12].

Таким образом, воссоздание хрональной картины реальности в языке детерминруется не только особенностями объективного отражаемого фрагмента действительности, но и характеристиками, сопряженными с субъективным компонентом миропонимания говорящего. Под отражаемым фрагментом понимается ситуация, которая описывается в высказывании. «Она в значительной мере предопределяет выбор языковых знаков для построения высказывания» [Мыркин 1996: 19]. С субъективным компонентом миропонимания связана причина различий объективного времени и грамматического времени. Как отмечает Н.А. Козинцева, «пространственно-временные границы между ситуациями в языке могут быть представлены и расплывчато, и максимально точно». Сами ситуации могут определяться говорящим как имеющие определенное место во времени и как не имеющие временной локализованности вообще [Козинцева 1991: 12].

Характеристика временной локализованности / нелокализованности ситуации определяется, с одной стороны, взаимодействием темпоральных категорий глагола, с другой стороны, взаимодействием темпоральных категорий с дейктическими категориями говорящего.

Дейктические категории говорящего, определяемые через момент речи, играют значительную роль в определении объема временного содержания глагольного знака. Система соотнесений действий с моментом речи была предложена Г. Рау. Данная система включает в себя следующие временные значения: t1 - момент речи, t2 - время, близкое к моменту речи, t3 - вневременной процесс, t4 - неопределенное время, t5 - время, отдаленное от момента речи, t6 - неопределяемое время [Rauh 1984: 1-25; Красухин 1997: 73-74].

Указанная типология временных значений может быть применима к интерпретации хрональных отношений на уровне сложного предложения (далее - СП). В типологию Г. Рау мы считаем необходимым добавить еще одно значение - определенное время. Применяя методику векторного анализа (заимствованную из работ Г. Гийома) с преломлением познающего движения мысли на фигуре говорящего, распределение указанных значений, наблюдаемых в СП, на оси времени можно представить следующим образом (см. рис. 1):